

Н.С. Ефремова✉, В.И. Молодин, А.С. Кравцова,
М.А. Кудинова, И.А. Дураков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

К вопросу о вариативности обрядов жертвоприношения в эпоху поздней бронзы

Статья посвящена всестороннему анализу ритуальной деятельности носителей восточного варианта пахомовской культуры, связанной с обрядами жертвоприношения. Наиболее распространенным способом принесения жертв, согласно материалам ритуальных комплексов памятника Тартас-1, являлось помещение приношений в ямы различного размера и глубины. Вероятно, основой обряда жертвоприношения являлся принцип *pars pro toto*, проявлявшийся в отсутствии в полученной коллекции артефактов целых форм керамических сосудов (здесь имеют место лишь многочисленные, но разнотипные фрагменты керамики) и мясной пищи, дошедшей до нас в виде костей животных. Части скелетов последних в большинстве своем представлены костями черепа и конечностей, что также может свидетельствовать об их принадлежности именно обрядовой деятельности. Несомненной особенностью является помещение в жертвенники-ямы останков человека. В научный оборот вводится еще один вариант жертвоприношения, зафиксированный в истекшем полевом сезоне: помещение жертвенных приношений в объемную глубокую яму, функционировавшую продолжительное время. Всего на настоящий момент насчитывается три варианта ям-жертвенников, относящихся к исследуемому святилищу. Наличие на территории ритуальных комплексов различных типов жертвенных ям при сохранении в целом устойчивых элементов ритуала (фрагменты керамических сосудов, остатки мясной жертвенной пищи; артефакты, связанные с промысловой и производственной деятельностью; останки человека, необычные камни и т.д.) может свидетельствовать о существовании (сосуществовании) здесь нескольких вариантов обрядов жертвоприношений. Данный феномен может быть объяснен как полифункциональностью святилища (принесение жертвы различным божествам, требующее отличных друг от друга вариантов обрядовой деятельности), так и проявлением процессов постепенной трансформации иррациональных взглядов носителей пахомовской культуры, обусловленной чужеродными (пришлыми) и автохтонными традициями.

Ключевые слова: культовый комплекс, жертвоприношение, остеологические остатки, керамика, обряд, идеологические представления.

Natalia S. Efremova✉, Vyacheslav I. Molodin, Anastasiya S. Kravtsova,
Maria A. Kudinova, Igor A. Durakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

On Variability of Sacrificial Rites in the Late Bronze Age

This article presents a comparative analysis of ritual activities associated with sacrificial rites among the carriers of the Eastern version of the Pakhomovo culture. According to archaeological evidence from the ritual complexes of the Tartas-1 site, the most common method of sacrifice was placing the offerings in the pits of various sizes and depths. The basis of the sacrificial rite could have been the “*pars pro toto*” principle which is manifested by the absence of intact pottery in the archaeological collection (there are only numerous, but different types of pottery fragments) and presence of meat food which appears in the form of animal bones, mostly represented by skull and limbs, which may also indicate their use in ritual activities. A clearly distinctive feature is placing human remains in sacrificial pits. This study presents one more variety of sacrificial offering, which was discovered in the current field season and involved placing sacrificial offerings in a spacious

deep pit which functioned for a long time. In total, three variants of sacrificial pits associated with the sanctuary under study are known. Presence of various types of sacrificial pits at ritual complexes with generally stable ritual elements (such as pottery fragments, remains of sacrificial meat, artifacts associated with fishing and hunting, human remains, unusual stones, etc.) may indicate the (co)existence of several variants of sacrificial rites. This phenomenon can be explained both by polyfunctionality of the sanctuary (sacrificial offerings to different deities, which required different ritual actions), and gradual transformation of irrational views among the carriers of the Pakhomovo culture, caused by foreign and autochthonous traditions.

Keywords: ritual complex, sacrifice, osteological remains, ceramics, ritual, ideological ideas.

Многолетние исследования святилища эпохи поздней бронзы, расположенного на памятнике Таргас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.), позволили интерпретировать выявленные сооружения как культовые объекты, связанные с погребально-поминальными ритуалами, с одной стороны, и бронзолитейным производством – с другой [Молодин и др., 2012, 2013, 2014; и др.]. К настоящему времени основная часть площади комплексов изучена

полностью, исследования проводились на северной периферии сакрального пространства. И если ритуальные комплексы № 1–4, расположенные в ее центральной части, фиксировались по следам наземных каркасно-столбовых конструкций в виде рядов столбовых ямок, то на периферии архитектурные сооружения прослеживаются не так четко, общее количество ям по мере удаления от отмеченных объектов постепенно уменьшается, кроме того, появляются

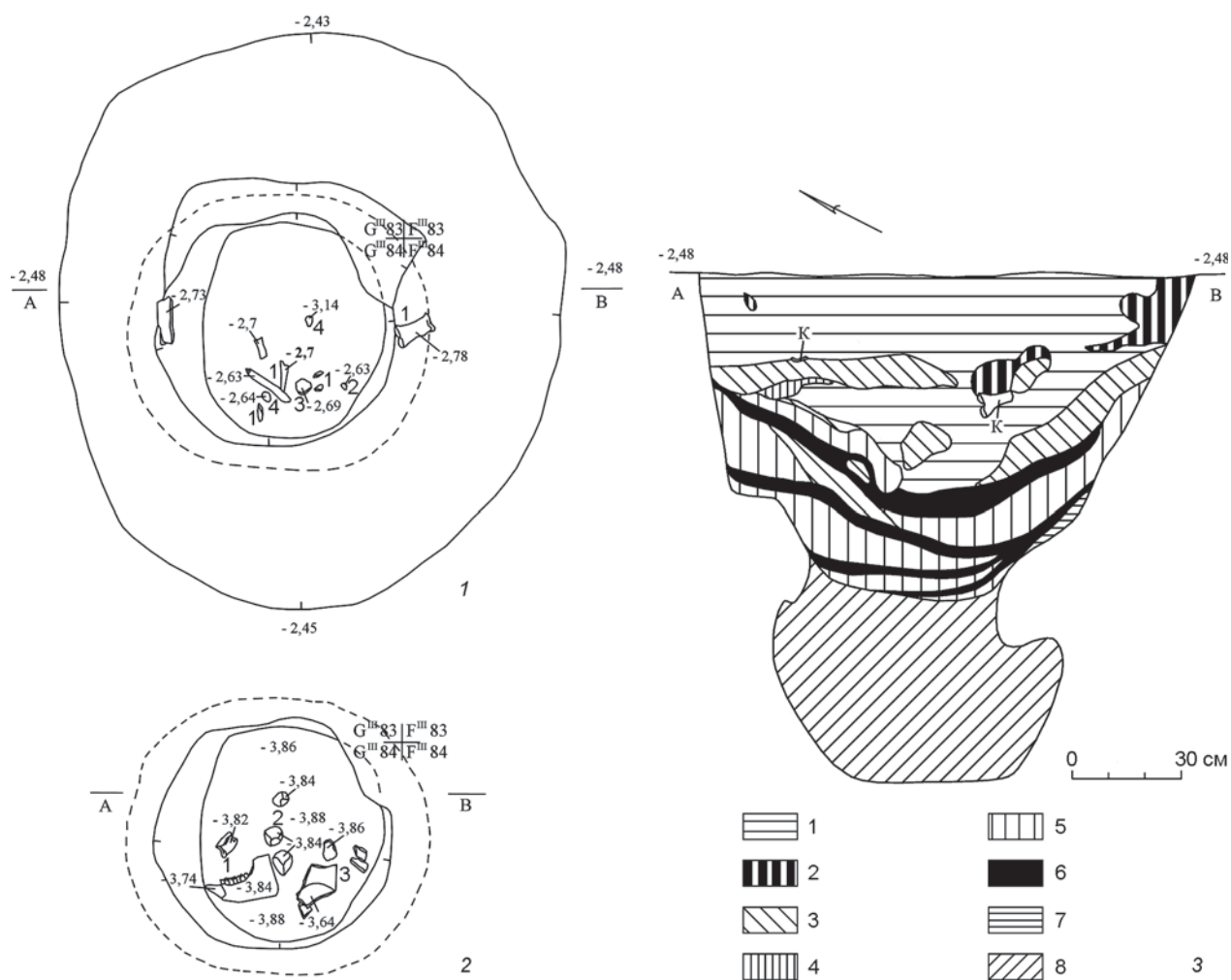

Рис. 1. Яма № 1666 памятника Таргас-1.

1 – горизонт 1, находки (1 – кости животных, 2 – охра, 3 – фрагмент керамики, 4 – камни); 2 – горизонт 2, находки (1 – кости животных, 2 – карбонатизированные камни (?), 3 – фрагменты керамики); 3 – стратиграфический разрез, северо-восточный профиль (1 – темно-серая гомогенная супесь, 2 – включения мешаного материкового суглинка, 3 – мешаная желто-серая супесь, 4 – коричнево-желтый мешаный суглинок, 5 – серо-желтый мешаный суглинок, 6 – линзы мешаной черно-серой супеси, 7 – желтый материковый суглинок, 8 – мешаная пестрая желто-белесо-светло-серая супесь с темно-серыми линзами, К – кость животного).

достаточно неординарные ритуальные объекты, позволяющие говорить о неоднозначности обрядовой деятельности на святилище.

Яма № 1666 расположена в траншее 307 (кв. G^{III}-F^{III}/83–84). На уровне материка представляла собой пятно округлой формы диаметром до 1,6 м. Яма имела наклонные стенки и округлое дно; глубина ее от уровня материка составила 1,45 м. Обращает на себя внимание необычная форма сооружения: диаметр ее постепенно уменьшался и на уровне дна составил 0,6 м. На глубине 0,62–0,72 м от уровня материка на стенках ямы зафиксированы материковые наплавы значительной мощности (рис. 1). Данный феномен объясняется следующим образом: яма наполнялась постепенно либо длительное время была заполнена частично; наличие линз в заполнении говорит о периодическом присутствии в яме воды, которое и могло обусловить оплывание материковых стенок на придонное заполнение. Основная часть заполнения представляла собой однородную темно-серую супесь, содержащую в верхней трети ямы суглинистые и супесчаные включения различных оттенков. Ниже включения приобрели линзовидный харак-

тер, обусловленный, по-видимому, вышеописанными факторами (рис. 1, 3).

В яме обнаружено два скопления находок: в верхней половине заполнения и в придонной части. Верхний горизонт – выше уровня материковых наплавов – содержал тридцать пять фрагментов керамики (большой частью мелких), в т.ч. пять венчиков; девять фрагментов были орнаментированы оттисками гребенчатого штампа. Обнаружено больше двухсот костей животных, преимущественно мелких и неопределимых; имели место также кости рыбы, камень (кварцит), крупный фрагмент охры (рис. 1, 1; 2). Во втором горизонте – в придонной части ямы (рис. 3) – обнаружены пять крупных костей животных, пять камней (галек?), покрытых плотной карбонатной коркой (определение канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик); большой фрагмент доннышка неорнаментированного плоскодонного сосуда и двенадцать фрагментов меньшего размера от него же (один экземпляр орнаментирован), кости рыбы (см. рис. 1, 2; 4).

Наибольший количественный показатель имеет остеологический материал: всего в заполнении ямы обнаружено 226 костей животных, большая

Рис. 2. Яма № 1666 памятника Тартас-1. Горизонт 1. Фото.

Рис. 3. Яма № 1666 памятника Таргас-1. Фото.

Рис. 4. Яма № 1666 памятника Таргас-1. Горизонт 2. Фото, деталь.

часть которых имеет очень небольшие размеры и представлена фрагментарно. 30 % обломков костей (67 экз.) несут на себе следы воздействия огня. В числе определимых костей – челюсть молодой особи коровы, располагавшаяся на дне ямы. Корове же принадлежат астрагал, запястная кость и обломок третьей фаланги (здесь и далее – определения канд. биол. наук С.К. Васильева). Кости лошади представлены двумя фалангами («бабками»), еще одна фаланга принадлежит лосю. К костям овец и коз относятся обожженная лучевая кость, третья фаланга и фрагмент головки бедренной кости. Кроме того, в заполнении ямы обнаружен диафиз трубчатой кости птицы. Под челюстью коровы на дне ямы залегала первая пястная кость молодой особи медведя (рис. 4). Крупных костей животных немного, однако даже немногочисленная коллекция позволяет заметить специфичность остеологического набора, представленного частью черепа (челюстью) и костями конечностей животных.

Видовой состав животных, кости которых были помещены в яму, включает как домашний скот (лошадь, корова, овцы/козы), так и диких промысловых зверей (лось, медведь). Виды животных, фигурировавших в качестве жертвенных в материалах ритуальных комплексов, подробно рассматривались ранее [Ефремова и др., 2019], мы можем констатировать устойчивость данного видового ряда и пополнение остеологической коллекции, связанной с ритуальной деятельностью человека на данном святилище.

Определенный интерес представляют обнаруженные в придонной части ямы камни (колотые гальки?), покрытые рыхлым известковым налетом. Карбонатная корка находок достаточно мощная на поверхности, на изломе значительно тоньше. Процесс карбонатизации явно являлся естественным и произошел вне ямы, поскольку залегавшие рядом кости животных и керамика известкового налета не имеют. По определению Н.А. Кулик, карбонатизация стала следствием природного процесса, при котором камни длительное время находились в низкотемпературном растворе, содержащем известь. Интересен факт помещения карбонатизированных камней в ритуальный объект (жертвенную яму), особенно, если учесть, что известковый налет достаточно часто присутствует (как элемент погребального обряда) в захоронениях эпохи развитой бронзы, в частности андроновской (фёдоровской) культуры,

расположенных на территории памятника Тартас-1. Здесь известковый налет имел место на стенках могильных ям, им же могли быть покрыты кости погребенных и помещенный в могилу инвентарь, чаще всего – сосуды. Сходный облик и, вероятно, сходное функциональное назначение имеют и присутствующие в материалах ритуальных комплексов т.н. *конкреции*, встречавшиеся, в частности, в небольших жертвенных ямках (например, в яме № 1665, расположенной в 13 м от рассматриваемого в данной статье объекта). Наличие карбонатов в погребальных и ритуальных объектах памятника (при отсутствии их на остальной части некрополя, что исключает естественные, природные процессы, обусловившие подобную локализацию) может свидетельствовать о преднамеренном их использовании в обрядовых действиях и, соответственно, о неординарном отношении к ним человека, населявшего территорию Барабинской лесостепи в рассматриваемый период.

Что касается керамической коллекции (рис. 5), то она насчитывает всего 48 фрагментов сосудов; орнаментация отдельных экземпляров, а также расположение ямы на сакральной территории в непосредственной близости от ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры позволяют интерпретировать последнюю как яму-жертвенник переходного от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени. Более позднее функцио-

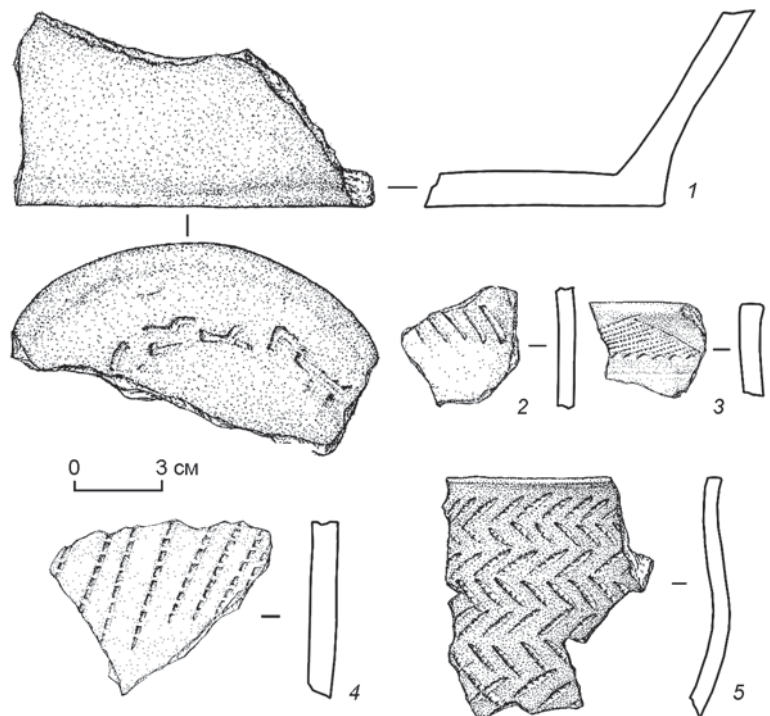

Рис. 5. Находки из ямы № 1666 памятника Тартас-1.

1 – горизонт 2, фрагмент керамического сосуда; 2–5 – горизонт 1, фрагменты керамики.

нирование ямы исключается наличием в пашенном слое над объектом керамики, облик которой говорит о ее принадлежности к упомянутой пахомовской культуре.

На территории культовых комплексов уже отмечался прецедент помещения жертвоприношений в объемную яму (№ 1442). В яме, расположенной в непосредственной близости от культовых сооружений, (зафиксированных по скоплениям столбовых ям), найдены отдельные артефакты (фрагмент абразива, заготовка костяного наконечника стрелы и т.д.), а также более четырехсот костей животных, из которых 94 % также представляли собой неопределимые колотые обломки. Видовой состав животных совпадал полностью: определимые экземпляры принадлежали лошади, корове, овцам/козам, лосю и медведю. Соответствовали и части скелета: кости черепа и конечностей. Так, медведю – также молодой и некрупной особи – принадлежал фрагмент пяточной кости. В яме присутствовали также кости рыбы и керамический материал: 187 фрагментов сосудов, включая очень мелкие. Орнаментация керамики позволила отнести яму к восточному варианту пахомовской культуры и интерпретировать как жертвенник, связанный с ритуальными комплексами [Ефремова и др., 2017, с. 315]. В данном случае для нас представляют интерес и параметры ямы, имевшей размеры 2,58 × 1,25 м, глубину до 0,22 м и подчетыреугольную форму. Таким образом, на настоящий момент нам известны как минимум три варианта жертвенных ям, использовавшихся в обрядовой деятельности носителей пахомовской культуры. Первый из них, включающий основную часть ям, – небольшие неглубокие ямки с единичными фрагментами керамики и отдельными костями животных/рыбы. Osteологические остатки здесь, как правило, относятся к одному виду. Подобные объекты имели место практически на всей исследованной территории, относимой к ритуальным комплексам. Кроме пищевых остатков, в таких ямках могли присутствовать приклады, связанные с бронзолитейным производством, как, например, в яме из ритуального комплекса № 4, где в заполнении отмечены фрагменты технической керамики и окатанные фрагменты болотной руды [Молодин и др., 2014, с. 217]. Ко второму варианту мы можем отнести описанную выше яму № 1442 – подпрямоугольной формы, незначительно углубленную в материк и максимально заполненную всевозможными приношениями [Ефремова и др., 2017, с. 315–316]. В полевом сезоне 2020 г. зафиксирован третий вариант такого рода жертвенника – глубокая округлая яма с относительно небольшим

количеством жертвоприношений. В первом и втором случае можно предположить единовременное использование ритуальных объектов. Основная часть жертвенных ямок имела незначительную глубину и единичные приношения. Прямоугольная яма (второй вариант), кроме небольшой глубины, обладала достаточно равномерным распределением прикладов в заполнении и четкими границами на уровне материка, позволившими выявить данный объект. Яма третьего типа (округлая и глубокая), учитывая морфологические особенности и заполнение, могла использоваться многократно (как минимум дважды, принимая во внимание два крупных скопления приношений в верхнем горизонте и в придонной части заполнения). Ямы-жертвенники второго и третьего варианта содержат несколько видов жертвенных животных (домашние/дикие, травоядные/хищник). Кроме того, остатками жертвоприношений являются, по-видимому, и скопления osteологического и керамического материала, обнаруженные вне ям, но в пределах ритуальных комплексов и поблизости от них. Большое значение при интерпретации объектов здесь имело наличие среди перечисленных прикладов костей человека [Молодин, 2012, с. 232]. Вполне вероятно, что в процессе проведения ритуала все приношения помещались в ямы, но глубина последних была очень незначительной, не достигавшей уровня материка.

Кардинальные отличия в морфологии ям и в функциональной направленности их сооружения (форма объектов, объемы жертвоприношения, видовое разнообразие животных и др.) позволяют предположить и существование ряда вариантов отправления жертвенных ритуалов. Возможно, совокупность нескольких видов жертвенников свидетельствует о трансформации иррациональных взглядов носителей пахомовской культуры, обусловленной чужеродными (пришлыми), но ассимилированными традициями. Большой интерес в связи с этим представляет относительная хронология вариантов обряда жертвоприношения, построение которой позволит с новой точки зрения посмотреть на этнокультурные процессы, проходившие в переходное время на территории Барабинской лесостепи. Завершение исследования ритуальных комплексов позволит решить эту задачу в полном объеме.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40028 «Модели иррациональной деятельности населения юга Западной Сибири в голоцене».

Список литературы

Ефремова Н.С., Молодин В.И., Дураков И.А., Васильев С.К., Селин Д.В. Животные в обрядовой практике носителей восточного варианта пахомовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 381–387.

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314–317.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Демахина М.С. Исследования культовых сооружений пахомовской культуры (восточный вариант) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 215–218.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

References

Efremova N.S., Molodin V.I., Durakov I.A., Vasilyev S.K., Selin D.V. Animals in Ritual Practices Among

the Carriers of the Eastern Version of the Pakhomovo Culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 381–387. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.381-387.

Efremova N.S., Mylnikova L.N., Molodin V.I., Vasilyev S.K., Durakov I.A., Selin D.V. Ritual Complexes of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: New Concepts of Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 314–317. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobleeva L.S., Efremova N.S., Demakhina M.S. The Investigation of Pakhomovo Cultic Objects (eastern variant). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 215–218. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobleeva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Mylnikova L.N., Hansen S. Kul'tovye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na mnogosloinno pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 265–269. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Hansen S., Durakov I.A., Kobleeva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Mylnikova L.N., Vasilyev S.K., Vasilyeva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Salnikova I.V. Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 231–236. (In Russ.).

Ефремова Н.С. <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Кравцова А.С. <https://orcid.org/0000-0001-8709-5935>

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>